

Трещины в стене

От стратегических шагов, которые предпримут режим и оппозиция, во многом будет зависеть дальнейшая трансформация электорального авторитаризма в России

Владимир Гельман

Исход электорального цикла 2011–2012 годов в России нанес сильный удар по господству российской правящей группы («режима») и способствовал активизации ее политических противников («оппозиции»). В то время как ряд наблюдателей рассматривает этот результат электорального цикла сквозь призму ряда «объективных» факторов (от экономического роста до распространения Интернета) и/или лишь как отражение динамики общественного мнения, в данной статье основное внимание уделено политическим акторам, их стратегиям и ресурсам.

В современных политологических дискуссиях о причинах поражения правящих режимов в ходе авторитарных выборов выделяются две точки зрения. Одна из них объясняет эти исходы слабостью правящих групп и/или их стратегическими ошибками, в то время как вторая фиксирует внимание на успешной антисистемной мобилизации со стороны оппозиции. Я сделаю попытку синтезировать эти конкурирующие подходы и рассмотреть российский электоральный цикл 2011–2012 годов как процесс взаимодействия обеих сторон конфликта, в котором и режим и оппозиция сталкиваются с

различными ограничениями при выборе и реализации своих стратегий. От стратегических шагов, которые стороны конфликта предпримут по итогам голосования 4 марта 2012 года, во многом будет зависеть дальнейшая трансформация режима электорального авторитаризма в России.

***

Результаты электорального цикла 2011–2012 годов и его политические последствия стали неожиданными для большинства участников и наблюдателей российского политического процесса. В преддверии кампании практически все оценки строились на том, что «партия власти» «Единая Россия» (ЕР), опираясь на государственный аппарат на всех уровнях власти, на доминирование в СМИ и на поддержку достаточно популярных в глазах населения лидеров страны, без особого труда получит подавляющее большинство голосов и мест в Государственной думе, тем самым открыв дорогу триумфальному возвращению Владимира Путина в кресло главы государства в марте 2012 года¹. Однако уже исход думского голосования 4 декабря 2011 года обманул эти ожидания. В то время как, согласно официальным данным, ЕР набрала 49,3 проц. голосов избирателей, многочисленные прямые и косвенные свидетельства — от экзит-поллов до сообщений наблюдателей — фиксировали разнообразные злоупотребления при подведении итогов голосования; нет сомнений в том, что

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА В РАМКАХ ПРОГРАММЫ CHOICES OF RUSSIAN MODERNIZATION ПРИ ПОДДЕРЖКЕ АКАДЕМИИ НАУК ФИНЛЯНДИИ. АВТОР БЛАГОДАРИТ СЕРГЕЯ ИЛЬИНА, КИРИЛЛА КАЛИНИНА, МАРИЮ ЛИПМАН, МАРККУ ЛОНКИЛА, СЕРГЕЯ РЫЖЕНКОВА И ДМИТРИЯ ТРАВИНА ЗА ЦЕННЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К РАННИМ ВЕРСИЯМ РАБОТЫ

реальная доля поданных за ЕР голосов была гораздо ниже. Вслед за голосованием по стране прокатилась волна акций протеста против его итогов, которая была отмечена невиданным для постсоветской России размахом массовой мобилизации — митинги в Москве собрали многие десятки тысяч участников. Однако на президентских выборах 4 марта 2012 года властям удалось восстановить контроль и, используя все доступные им способы, добиться необходимого исхода голосования: по официальным данным, Владимир Путин набрал 63,6 проц. голосов на фоне многочисленных злоупотреблений в ходе кампании и при подведении итогов. Предпринятое вслед за этим наступление властей на оппозицию было призвано вернуть ситуацию в стране к состоянию прежнего статус-кво. Тем не менее в результате электорального цикла 2011–2012 годов российский авторитарный режим понес ощутимые потери. Пока преждевременно говорить о полномасштабном кризисе российского авторитаризма, а тем более — о его скором падении, однако те вызовы, с которыми столкнулись власти в ходе электорального цикла 2011–2012 годов, носят системный и неустранимый характер. Но почему же эти вызовы возникли «здесь и теперь»? Что обусловило исход голосований 4 декабря 2011-го и 4 марта 2012-го и каковы механизмы и причины, повлекшие за собой, с одной стороны, частичный электоральный провал правящей группы, а с другой — взлет и последующий спад постэлекторального протестного активизма? Как эти события могут отразиться на дальнейшей траектории развития политического режима в России? Поискам ответов на эти вопросы посвящена настоящая работа.

«Опрокидывающие выборы»: почему?

Политический режим, сформировавшийся в России в 2000-е годы, многие специалисты расценивали, согласно получившей распро-

странение в последние годы классификации, как «соревновательный» или «электоральный» авторитаризм². В таких режимах институт выборов имеет вполне реальное значение, в них допускается участие различных партий и кандидатов — в отличие от «классического» авторитаризма, при котором преобладают «выборы без выбора» (примерами такого рода на постсоветском пространстве выступают, например, Казахстан или Узбекистан). Но формальные и неформальные правила таких выборов предполагают высокие входные барьеры для участия в них, заведомо неравный доступ участников кампаний к ресурсам (от финансовых до медийных), систематическое использование государственного аппарата в целях максимизации голосов за правящие партии и кандидатов и злоупотребления в пользу последних на всех стадиях выборов, в том числе при подсчете голосов.

Именно заведомо неравные «правила игры», призванные обеспечить победу инкубентов независимо от предпочтений избирателей, и отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий. Электоральный авторитаризм — явление не новое, но особенное распространение он получил в последние два десятка лет, в том числе и в постсоветских государствах³. Классический авторитаризм уступает место электоральному прежде всего в силу того, что правящие группы этих режимов нуждаются в проведении выборов как средстве и внутривнутриполитической, и в особенности международной легитимации — в противном случае само функционирование этих режимов может оказаться под угрозой⁴. Всякий раз выборы, в силу самой природы политической конкуренции, становятся для электоральных авторитарных режимов серьезным тестом на выживание. Им приходится не просто добиваться победы в нечестной и неравной борьбе с иными

партиями и кандидатами, но и прилагать немалые усилия для того, чтобы их победы были признаны внутри страны и за ее пределами, а обвинения в нечестности выборов имели не слишком значительный эффект⁵. Хотя многим режимам электорального авторитаризма удастся решать эти задачи более или менее успешно, постэлекторальные протесты по итогам нечестных выборов могут создать для них вызовы, подчас несовместимые с выживанием, о чем свидетельствует недавний опыт «цветных революций»⁶. Хотя российский режим (по крайней мере,

номасштабной демократизации⁷. Наиболее наглядным примером для Хантингтона выступали выборы на Съезд народных депутатов СССР в марте 1989 года. Хотя они не были ни свободными, ни справедливыми, но сам факт их проведения позволил советским гражданам выразить массовое неприятие существовавшего тогда в стране политического режима, а сами выборы на фоне антисистемной мобилизации повлекли за собой последующее конституирование политической оппозиции⁸. Однако причинам и механизмам этого феномена в условиях тех или иных

**“Сильная сторона конфликта — режим — была
недостаточно монолитна; ожидания лидеров режима
не учитывали изменений политического спроса”.**

пока) кое-как справлялся с этими вызовами и избегал летального исхода, цена выживания оказалась для него весьма высока, а уровень легитимации, достигнутый в результате электорального цикла 2011–2012 годов, — более чем сомнительным. Примечательно, что такой исход представлял собой разительный контраст с исходом электорального цикла 2007–2008 годов, когда правящая группа без особого труда решила стоявшие перед ней задачи и при этом не вызвала сколь-нибудь значимых постэлекторальных протестов и избежала опасности, что общество не признает результаты голосования легитимными.

Собственно, поражение авторитарных режимов в ходе несправедливых выборов — также явление отнюдь не новое. Еще Самюэль Хантингтон в своем анализе «третьей волны» демократизации специально рассматривал феномен «опрокидывающих выборов», когда авторитарные режимы проводят выборы в целях закрепления своей легитимации, но в результате они оборачиваются поражением правящих групп и в ряде случаев (хотя и не всегда) открывают дорогу к последующей пол-

режимов уделялось недостаточно внимания. «Опрокидывающие выборы», хотя и не воспринимались специалистами как своего рода *deus ex machina*, однако объяснения этого феномена, а их набралось изрядное количество, подчас пронизаны духом экономического, социологического или технологического детерминизма. В частности, общим местом стали утверждения, что когда благодаря экономическому росту удастся достигнуть определенного уровня социально-экономического развития⁹, это приводит к увеличению численности образованного городского среднего класса, который предъявляет спрос на гражданские и политические права и постепенно выходит на политическую арену¹⁰. В то же время развитие информационных технологий и особенно Интернета и социальных сетей резко ускоряет процесс политических коммуникаций, поскольку снижает контроль властей над информационными потоками и существенно облегчает задачу коллективной мобилизации¹¹.

Не отрицая значимости всех этих факторов в политическом развитии современ-

ных обществ, следует отметить, что ни по отдельности, ни даже в сочетании друг с другом они не способны объяснить, почему в конкретный «критический момент» одним режимам электорального авторитаризма удается сохранять господство, а другим — нет. Существуют объяснения, в которых политический процесс рассматривается как «проекция» динамики спроса на политическом рынке. Этот спрос проявляется как колебания общественного мнения, которые, в свою очередь, хотя и зависят от ряда параметров (таких как массовые оценки положения дел в экономике)¹², но в условиях авторитарных режимов, в общем и целом, непредсказуемы. Однако, как известно, «танго танцуют вдвоем», и было бы неверным, анализируя причины упадка электорального авторитаризма, ограничиваться лишь анализом «спроса», игнорируя «предложение». Последнее представлено на политическом рынке как правящими группами, так и их противниками (далее, соответственно — «режимом» и «оппозицией»).

Неудивительно, что в последние годы, в особенности под воздействием волны «цветных революций» от Сербии (2000 год) до Молдовы (2009 год), специалисты все чаще задавались вопросом о влиянии режима и оппозиции на упадок электорального авторитаризма. Одни авторы отмечали критическую роль массовой мобилизации в результате усилий оппозиции, при этом уделяя особое внимание кооперации различных групп противников режима и тактике оппозиционных сил¹³. Другие исследователи обращали внимание на уязвимость самих авторитарных режимов из-за их открытости воздействию со стороны Запада, а также слабости государственного аппарата и/или доминирующих партий, неспособных обеспечить полномасштабный контроль лидеров над политическим процессом¹⁴. Между тем споры о том, «кто виноват» в провале

электорального авторитаризма — режим или оппозиция¹⁵, недостаточно учитывают стратегическое взаимодействие как внутри этих групп, так и между ними. Однако в политике, как и в игре в футбол, успех одной из сторон конфликта, как правило, зависит от действий соперника: точно так же, как гол может быть порой забит из-за неудачной замены игроков, неточного паса защитника или опрометчивой игры вратаря, так и достижения оппозиционеров могут стать результатом ошибочной стратегии правящей группы, а успехи режима подчас выступают оборотной стороной слабости оппозиции.

Поражение электорального авторитаризма в России в декабре 2011 года может служить показательным примером такого рода. Действительно, с одной стороны, в 2000-е годы российские лидеры приложили немало усилий для закрепления политической монополии, опираясь при этом на иерархию государственного аппарата («вертикаль власти») и доминирующую партию («Единая Россия») и ограждая внутреннюю политику страны от «тлетворного влияния Запада». С другой стороны, систематические действия властей, направленные на маргинализацию оппозиции, загнали ее в политическое «гетто». Искусно проведенное разделение оппозиционеров на «чистых» («системные» партии, официально зарегистрированные, но находившиеся под косвенным контролем со стороны Кремля) и «нечистых» («внесистемная» оппозиция, исключенная из политического процесса) еще более ослабляло разрозненные сегменты оппозиции.

Оказалось, однако, что сильная сторона конфликта — режим — была недостаточно сплочена и монолитна; ожидания лидеров режима строились ретроспективно и не учитывали изменений политического «спроса»; соотношение «кнута» и «пряника», которое режим предлагал своим

согражданам, оказалось недостаточно сбалансировано; наконец, тактика думской кампании 2011 года была плохо продумана. В то же время кампания открыла «окно возможностей» (скорее, «форточку»), и в него начали проникать новые фигуры, которые привнесли ряд неожиданных для властей эффектов. Реакция властей на эти шаги не всегда оказывалась адекватной, и в результате режим с каждым шагом нес все более сильные и ощутимые потери: прежние методы уже не обеспечивали контроль над политическим процессом в стране, а уровень массовой поддержки статус-кво снижался. Оппозиции удалось не только выйти из «гетто», но и, перехватив инициативу, продемонстрировать способность к кооперации друг с другом и к мобилизации масс против режима. Хотя эти шаги и не привели к смене режима, но создали для него серьезные угрозы и вынудили к смене тактики, в конце концов позволившей режиму достичь требуемого результата. Вновь обращаясь к футбольной метафоре, более сильная команда сама создала голевую ситуацию у своих ворот, но более слабая сторона все же не смогла забить мяч в сетку. В итоге более сильная команда перешла в контратаку и смогла удержать счет игры в свою пользу. Хотя еще рано делать выводы о том, как сложатся следующие матчи, но, по крайней мере, уже не приходится говорить о безусловном одностороннем преимуществе на поле сильных над слабыми.

Анализируя, почему и как стал возможен этот результат, необходимо рассмотреть те шаги, которые предприняли режим и оппозиция в России в период, предшествовавший электоральному циклу 2011–2012 годов, их действия в ходе кампании и после голосований 4 декабря 2011-го и 4 марта 2012 года, а также выявить те возможности и ограничения, которые определяют их шаги сегодня.

Интерлюдия: 2008—2011 годы

Преемственность лидеров является «ахиллесовой пятой» многих авторитарных режимов в мире, в том числе и на постсоветском пространстве. Лишь немногим правителям удается безболезненно осуществить династическое наследование власти (примером может служить Азербайджан), в то время как в условиях электорального авторитаризма сам подбор «преемников» и обеспечение легитимации передачи власти создает риски и серьезные вызовы выживанию соответствующего режима (как произошло в случае украинской «оранжевой революции») ¹⁶. С этой точки зрения, проведенная в 2007–2008 годах замена Владимира Путина Дмитрием Медведевым на посту президента России, в гипотетическом колледже для диктаторов, казалось бы, заслуживала «пятерки с плюсом». В самом деле, Путин до 2007 года имел все шансы изменить конституцию страны и, изъяв из нее ограничения срока президентских полномочий, пойти по пути лидеров стран Центральной Азии. Однако вместо этого он подобрал лояльного преемника и, став премьер-министром, сохранил за собой ключевые рычаги управления страной в расчете на возвращение в президентское кресло через четыре года. Такая стратегия отвечала задачам как внутривластной, так и внешнеполитической легитимации, но таила в себе немалые риски. Они были связаны с тем, что (1) Медведев, обладая немалыми президентскими полномочиями, был способен в одностороннем порядке пересмотреть неформальный контракт, заключенный с Путиным, и (2) сценарий «обратной замены» этих игроков в электоральном цикле 2011–2012 годов предполагался «по умолчанию», но имел непубличный характер.

Успешно сосредоточившись на минимизации рисков первого типа (постоянно присущих всему периоду президентства Медведева), режим не слишком заботился о

рисках второго типа, которые воспринимались как отдаленные по времени и «одноразовые». Между тем именно высокие издержки «обратной замены» как раз и стали той стрелой, которая попала в «ахиллесову пята» режима через четыре года после первой стадии операции «преемник».

Эндрю Уилсон в своей книге о постсоветских политических режимах подробно описал феномен «виртуальной политики», при которой главным инструментом доминирования правящих групп являются не столько репрессии, сколько информацион-

сколь-нибудь заметного сопротивления в обществе (более того, в ряде исследований было зафиксировано, что избиратели скорее склонны оценивать выборы как «честные» и «справедливые») ²⁰. Но почему через четыре года немалая часть тех же избирателей взбунтовалась против статус-кво?

Для ответа на этот вопрос следует переосмыслить тот механизм власти и управления, который сложился в 2008–2011 годах и получил название «правящий тандем». Суть его сводилась к тому, что президент Медведев, будучи по факту не более чем ставленником

“На деле разделение ролей между участниками тандема оказалось нечетким, сигналы, которые они посылали элитам и обществу, — непоследовательными”.

ные манипуляции в сочетании с покупкой лояльности элит и масс ¹⁷. Действительно, российский режим при Путине и Медведеве отличался низкой репрессивностью по отношению к политическим противникам (если речь не шла о «точечных» расправах из-за личной вражды и/или в целях захвата бизнеса, как в случае с Ходорковским) ¹⁸. Вместо этого в 2000-е годы власти последовательно и систематически превращали оппозицию в «вымирающий вид» — посредством выстраивания высоких входных барьеров на политическом рынке, умелого использования тактики «разделяй и властвуй», кооптации в качестве «попутчиков» режима одних политиков и исключения из истеблишмента других ¹⁹. Почти безраздельное доминирование Кремля в ведущих СМИ на фоне высокой поддержки статус-кво в общественном мнении облегчало режиму решение этих задач. Хотя электоральный цикл 2007–2008 годов сопровождался злоупотреблениями в ходе подсчета голосов и жестким давлением на противников режима в духе «закручивания гаек», его политические итоги не встретили

и марионеткой Путина, выступал в роли «доброего следователя» — либерала и реформатора, призванного инициировать прогрессивные преобразования в стране, в то время как на ушедшего на время в тень «злого следователя» Путина ложились тяготы оперативного управления страной. Теоретически такая схема могла бы работать более или менее эффективно лишь при условии, если бы она была исключительно манипулятивной. Но на деле разделение ролей между участниками тандема оказалось нечетким, сигналы, которые они посылали элитам и обществу, — непоследовательными, а неопределенность в отношении планов «тандема» на следующий электоральный цикл порожидала неуверенность, нарастающую по мере его приближения. Напротив, Медведев пытался публично презентовать себя не как марионетку Путина, а как самостоятельного политика, в ряде случаев стремясь публично продемонстрировать автономию от старшего партнера.

В результате аппарат управления оказался дезориентирован и, как часто бывает в

ситуации *multiple agency* («слуги двух господ»), все чаще выходил из-под контроля политического руководства. Если до 2007 года Кремль инвестировал ресурсы в организационное укрепление ЕР и в упрочение иерархии «вертикали власти», то позднее ЕР окончательно приобрела черты электорального и законодательного придатка государственного аппарата, не обладавшего автономией от Кремля²¹, а «вертикаль власти» подверглась весьма серьезной кадровой чистке. Многие главы исполнительной власти регионов — политические «тяжеловесы» — лишились

ты экономического кризиса 2008—2009 годов, тем не менее кризис привел к тому, что изменилось общественное восприятие самой системы управления государством. Если ранее ее считали пусть коррумпированной, но в целом более или менее приемлемой, то после кризиса в общественном мнении наметился запрос на альтернативы статус-кво²⁵.

В то время как механизм управления с трудом справлялся с перегрузками, а в период после экономического кризиса 2008—2009 годов положение еще больше усугубилось,

“Риторика властей стимулировала нарастание спроса на либерализацию и верховенство права, но сами власти не заботились о воплощении этих лозунгов в жизнь”.

своих постов, уступив место чиновникам, зачастую не имевшим публичного политического опыта и/или не пользовавшихся авторитетом у региональных элит и у жителей вверенных им территорий²². «Слабое звено» «вертикали власти» — выборные мэры городов — все чаще заменялись наемными управляющими (сити-менеджерами), раздражавшими как местные элиты, так и горожан. В итоге проблемы принципал-агентских отношений («хвост виляет собакой») усугублялись, а «вертикаль власти» превратилась в инструмент, который должен в дни голосования обеспечивать требуемые Кремлем показатели лояльности электората, но при этом не связан с решением проблем регионов и городов страны²³. Неудивительно, что масштаб злоупотреблений на региональных выборах существенно возрос и не раз вызывал громкие скандалы, в то время как внутри «Единой России» нарастали конфликты, выплескивавшиеся в форме конкуренции кандидатов от «партии власти» на муниципальном уровне²⁴.

Наконец, хотя российские власти в целом смогли минимизировать негативные эффек-

«виртуальная политика» перешла на новый уровень манипуляций. На смену виртуальному «закручиванию гаек» при Медведеве пришла столь же виртуальная «оттепель». Публичные заявления о либерализации, модернизации и верховенстве права по большей части носили характер маскировки, призванной скрыть такие шаги режима, как внесение изменений в конституцию страны, продлевавших срок полномочий президента и Государственной думы до 6 и 5 лет соответственно. На деле либерализация оказалась или косметической правкой существующих «правил игры» (например, снижение барьера регистрации политических партий с 50 до 45 тыс. членов), или сменой вывесок (вроде переименования милиции в полицию). Тем не менее дискурсивная либерализация режима имела и ряд побочных эффектов, которые вели к непреднамеренным завышенным ожиданиям как у части элит (заинтересованных в том, чтобы эти слова воплощались в дела)²⁶, так и у немалой части общества, а также к расширению свободы самовыражения, которая ранее во многом

сдерживалась самоцензурой²⁷. Риторика властей стимулировала нарастание спроса на либерализацию и верховенство права, но сами власти при этом не заботились о воплощении соответствующих лозунгов в жизнь, тем самым превращая их в «потемкинскую деревню», в украшение фасада, призванное скрыть авторитаризм, произвол и коррупцию. В результате углублялся разрыв между общественным спросом и государственным предложением: общество предъявляло все больший спрос на качество управления (*good governance*), а власти предлагали сохранение политического статус-кво. Этот разрыв повышал риски нелояльности, которые в полной мере проявились в ходе думского голосования в декабре 2011 года.

Виртуальная «оттепель» сопровождалась и другими непредвиденными последствиями. Прежде всего, власти, добившись политической монополии и более или менее успешно кооптировав «системные» партии в качестве попутчиков режима, предоставили «несистемную» оппозицию самой себе, по-видимому полагая, что она уже не выйдет за пределы отведенного ей «гетто». Действительно, попытки создания новых партий успешно пресекались на стадии регистрации, полиция без труда разгоняла малочисленные акции политического протеста (такие как «Стратегия-31»), а отдельные оппозиционные деятели подвергались дискредитации (а порой дискредитировали себя сами). Однако по ходу виртуальной «оттепели» ситуация стала меняться одновременно по нескольким направлениям. С одной стороны, спонтанно возникали новые общественные движения, выступавшие с требованиями защиты прав граждан от произвола со стороны чиновников²⁸, шла ли речь об охране природы (движение в защиту Химкинского леса), защите исторического и культурного наследия (борьба против башни «Газпромсити» в Санкт-Петербурге) или же о наруше-

нии правил дорожного движения высокими чиновниками («Синие ведерки»). При этом «новая общественность», хотя и избегала политизации требований (отдавая себе отчет в том, что политический конфликт с властями не поможет ей добиться своих целей, а лишь затруднит их достижение), тем не менее становилась потенциальным резервом мобилизации со стороны оппозиции²⁹.

С другой стороны, с течением времени в лагере противников режима начался процесс смены поколений. На смену лидерам, пришедшим в политику в эпоху перестройки, выдвигались те, кто сформировались как личности и как публичные деятели в 2000-е годы. Если первые воспринимали текущую ситуацию по большей части как продолжение прежних политических баталий, а общество ассоциировало их (справедливо или нет) с периодом «лихих 90-х», то вторые не без основания претендовали на то, чтобы сделать политическую карьеру уже в новых условиях. По сравнению с их предшественниками молодые оппозиционеры (от Сергея Удальцова до Ильи Яшина и Владимира Милова) проявляют большую склонность к риску и готовность к объединению различных сегментов оппозиции по принципу «негативного консенсуса» против статус-кво. Самым ярким проявлением обеих указанных тенденций стал феномен Алексея Навального, который успешно «раскрутил» громкую антикоррупционную кампанию в Интернете, стал заметной публичной фигурой и позиционирует себя одновременно как либерал и националист — немыслимое сочетание для прежнего поколения оппозиционеров.

Нельзя сказать, чтобы Кремль не замечал эти тенденции в стане противников, но противодействие новым явлениям было ориентировано на прежние реалии и велось прежними методами. Главным ограничением для властей здесь был курс на виртуальную «отте-

пель»: по мере расширения разнообразных движений и групп властям становилось все труднее перейти от «виртуальной политики» к реальному насилию; иными словами «оттепель» увеличивала издержки, связанные с подавлением противников режима³⁰. Хотя в 2008–2011 годах власти по-прежнему неукоснительно пресекали протестные акции политического характера, но к публичной критике режима относились более терпимо, вероятно рассчитывая на эффект «выпускания пара». Молодежные движения, такие как «Наши» и др., призванные противостоять «цветным революциям», со временем превращались во все более бесполезных и алчных соискателей политической ренты и становились объектом насмешек со стороны оппозиции. Когда в некоторых случаях власть шла на уступки по частным вопросам (например, отмена решения о строительстве башни «Газпром-сити»), это повышало ставки для активистов общественных движений, побуждая их выйти за рамки локального протеста. Но и жесткий отказ властей удовлетворить требования «новой общественности» лишь способствовал ее политизации, подталкивая активистов в объятия оппозиции. Попытки публичной дискредитации отдельных оппозиционеров (вместо жесткого силового подавления и/или запугивания критиков режима, ряды которых расширялись) били «мимо цели»: иными словами, власти по-прежнему пытались использовать против своих противников компромат³¹ там, где, возможно, им помог бы радиоактивный полоний. Немало преуспев в превентивной борьбе с мифической «оранжевой угрозой» в преддверии 2007–2008 годов, Кремль оказался не готов подавить в зародыше потенциал будущей протестной мобилизации накануне 2011 года, пока он еще не превратился в ключевой фактор политического процесса.

Образно говоря, накануне кампании 2011–2012 годов российские власти по пре-

имуществу заботились об украшении виртуального фасада «потемкинской деревни», не придавая достаточного значения тому, что в скрывававшейся за ним железобетонной серой стене образуются все новые трещины. Видимо, расчет строился на том, что в ходе «обратной замены» в правящем «тандеме» демонтаж «потемкинской деревни» произойдет сам собой. Однако этот расчет не учитывал, что «потемкинская деревня» была населена гражданами страны, демонтировать которых вместе с «фасадом» (например, посредством массовых репрессий) было слишком рискованно, а убедить их добровольно переселиться за глухую серую стену (например, посредством покупки лояльности) — слишком дорого. В итоге сочетание позитивных и негативных стимулов к массовому участию оказалось очевидно не сбалансировано: кнут применялся властями слишком селективно и слишком неэффективно, в то время как сладкие пряники, которых (на фоне запредельной коррупции) и без того не хватало на всех, оставались по большей части виртуальными. Эти латентные факторы проявили себя в ходе и по итогам думского голосования.

Время «Ч», раунд 1: до и после 4 декабря 2011 года

Накануне парламентской кампании 2011 года власти недооценивали риски «обратной замены», ориентируясь на инерционный сценарий: сохранение политического статус-кво «по умолчанию», в отсутствие каких бы то ни было реалистических альтернатив. Накануне «обратной замены» политический фон как будто не таил в себе ничего неблагоприятного для Кремля. Все допущенные к думской кампании «системные» партии сохраняли лояльность; хотя уровень массовой политической поддержки режима плавно снижался, этот процесс никак нельзя было назвать критическим спадом, а отдельные «тревожные

звонки», свидетельствующие о недовольстве имеющимся положением дел³², не воспринимались всерьез; наконец, экономика страны если не демонстрировала впечатляющего роста, то, во всяком случае, до некоторой степени оправилась от кризиса 2008–2009 годов. Неудивительно, что в этих условиях власти делали ставку на: (1) административный ресурс во всех его проявлениях (от принуждения к голосованию до «рисования» фиктивных результатов); (2) поддержку статус-кво периферийной частью электората (пенсионеры – бюджетники – жители индустриальных центров, малых городов и сел);

(3) апатию и пассивность «продвинутых» избирателей (образованные – молодые – успешные – жители крупных городов)³³. Но из этих трех факторов в полной мере сработал лишь второй, в то время как третий обернулся своей противоположностью, а первый дал лишь частичные эффекты.

Исходя из таких ожиданий, кампания разворачивалась вяло, и манипулятивная «драматургия»³⁴ в ее ходе была сведена к минимуму. Пожалуй, единственным заметным (и весьма важным) событием в кампании стала неудачная попытка Кремля реанимировать «Правое дело» в качестве лояльной «нишевой» партии, призванной собрать голоса части «продвинутых» избирателей. Но когда предложенный в качестве нового лидера партии миллиардер Михаил Прохоров предпринял несколько не согласованных с властями шагов, Кремль предпочел избежать рисков нелояльности своей же креатуры и в преддверии предвыборного съезда партии избавился от непредсказуемого Прохорова.

Прозвучавшее 24 сентября 2011 года объявление об «обратной замене» (Путин – будущий президент, Медведев – будущий премьер-министр и лидер думского списка ЕР) создало у властей и части их попутчиков ощущение свершившегося факта. Если накануне кампании в политическом классе ощущалась нервозность из-за неясности кадровых «раскладов» и скрытой конкуренции клик в правящей группе, то разрешение этой неясности успокоило почти всех представителей элит³⁵. Если до объявления о «рокировке» они активно делили будущую «добычу» по

итогам электорального цикла (проявлением чего, в частности, служило формирование параллельно «Единой России» аморфной структуры Общероссийского народного фронта), то, как только новая конфигурация стала известна, они погрузились в инертность и апатию – как выяснилось, в самый неподходящий момент. Такое развитие событий открывало оппозиции новое, пусть и узкое, окно политических возможностей.

Накануне кампании разрозненные ряды оппозиции не могли прийти к согласию по поводу тактики своих действий. Самые ортодоксальные противники режима призывали к бойкоту думского голосования, заявляя о его нелегитимности. Часть умеренных оппозиционеров склонялась к поддержке «системных» партий (от КПРФ до «Яблока»), рассматривая их как наименьшее зло по сравнению с ЕР. Другие политики предлагали портить бюллетени на участках для голосования (так называемая тактика «НаХ-НаХ»), хотя ранее, в ходе электорального цикла 2007–2008 годов, аналогичное электоральное поведение оказалось явно неэффективным.

“Накануне парламентской кампании 2011 года власти недооценивали риски «обратной замены», ориентируясь на инерционный сценарий”.

В результате наиболее популярной и самой успешной оказалась стратегия, продвигавшаяся Алексеем Навальным: голосовать за любую партию, кроме ЕР. Ее эффективность была обусловлена сочетанием двух факторов. Во-первых, она идеально позволяла выстроить «негативный консенсус» против сохранения статус-кво, который объединил самые разные идейные течения — не только среди самих оппозиционеров, но и в различных группах и средах избирателей, не оставляя режиму шансов для ответных шагов по принципу «разделяй и властвуй». Во-вторых,

выступил *YouTube*, ранее привлекавший пользователей как источник развлечений. Благодаря креативному использованию этого и других сайтов, позволявших пользователям самостоятельно размещать материалы в Сети, негативная кампания против ЕР получила невиданный доселе размах. Видеозапись дискуссии между Навальным и депутатом Думы от ЕР Евгением Фёдоровым, в которой впервые прозвучало определение «партии власти» как «партии жуликов и воров»³⁶, к марту 2011 года набрала свыше 600 тыс. просмотров в Интернете, а уничи-

“На фоне унылой официозной риторики оппозиционный креатив привлекал «продвинутых» избирателей, менее всего склонных поддержать статус-кво”.

выбор ЕР в качестве единственной «мишени» протестного голосования оказался как нельзя более удачным — партия, которая играла роль инструмента для оформления решений, принятых правящей группой, не представляла никакой идеологии, кроме поддержки статус-кво, а в глазах избирателей ассоциировалась с коррумпированным чиновничеством, была очевидно непривлекательна для «продвинутых» избирателей сама по себе; ситуацию усугубило появление во главе списка ЕР Медведева, чья политическая беспомощность в процессе «обратной замены» стала особенно явной.

Другим важным ресурсом, который смогла успешно мобилизовать оппозиция, стал Интернет. Вопреки распространенному мнению о преобладающей роли социальных сетей в ходе массового постэлекторального протеста, российский случай демонстрировал высокую значимость Интернета на стадии, предшествовавшей протестам, — как средства информирования и вовлечения в политику прежде пассивных избирателей в ходе кампании. Ключевым ресурсом здесь

жительная характеристика ЕР вскоре превратилась в своего рода «бренд». Вслед за этим Сеть наводнили ролики, которые разоблачали, а чаще всего высмеивали манипуляции чиновников, стремившихся в ходе кампании любой ценой обеспечить высокий результат думского голосования за ЕР, — количество таких роликов быстро достигло уровня «критической массы». Объявленный Навальным конкурс на лучший агитационный материал против «партии жуликов и воров» спровоцировал взрыв творческой энергии: мультфильмы и музыкальные клипы работали на подрыв статус-кво, пробуждая интерес к голосованию против ЕР среди тех, кто прежде был далек от политики.

На фоне унылой официозной риторики в духе брежневского «застоя» оппозиционный креатив привлекал «продвинутых» избирателей, менее всего склонных поддержать статус-кво, — тех, кому явно не хватало своей «нишевой» партии. Фон кампании начал стремительно меняться, и вслед за «несистемной» оппозицией вскоре активизировались и «системные» партии, оказавшиеся

внезапными бенефициарами стратегии «голосуй за любую партию, кроме ЕР». Ряд представителей «Справедливой России», КПРФ и особенно «Яблока» все смелее и громче поднимали голос против «обратной замены» и режима в целом. В ряде случаев в день голосования эти партии предоставляли свою «крышу» для оппозиционно настроенных наблюдателей, численность которых, особенно в крупных городах, существенно возросла по сравнению с 2007–2008 годами.

Нельзя сказать, что режим не предпринимал усилий для противодействия оппозиции, но его шаги оказывались явно запоздалыми и лишь провоцировали нарастание протестных настроений. Многочисленные «накачки» в поддержку ЕР, проводимые нижними этажами «вертикали власти», сопровождались обещаниями раздачи пряников и слабыми угрозами применить кнут, но ни в посулы, ни в угрозы, похоже, не верили даже сами местные чиновники. Информационная атака против ассоциации «Голос», которая вела мониторинг нарушений законодательства в ходе кампании и в день голосования, была предпринята властями лишь на последней неделе перед 4 декабря³⁷ и уже не смогла нанести ей ущерб, а лишь вызвала ненужный Кремлю скандал. Казалось, что власти стремятся не столько к максимизации результата голосования за ЕР, сколько к минимизации своих усилий по его достижению.

Планка ожиданий думского голосования у представителей режима по ходу кампании снижалась быстрее, чем плавно опускавшиеся рейтинги массовой поддержки «тандема» и ЕР. Если в сентябре–октябре чиновники заявляли, что ЕР получит 65 проц. голосов³⁸, то уже в конце ноября речь шла о 55 процентах³⁹. Кроме того, «вертикаль власти», которая прежде рутинно и вполне себе успешно использовала административный ресурс, на сей раз испытывала невероятное перенапряжение. Причиной тому отчасти

стала массовая замена глав исполнительной власти в период президентства Медведева. Многие локальные «политические машины», призванные обеспечивать требуемые результаты голосований, выстраивались в течение долгого времени губернаторами и мэрами на основе персональных клиентел, а новые назначенцы в целом ряде случаев оказались не способны управлять этими механизмами столь же успешно, как их предшественники. Еще одной причиной стало совмещение думской кампании с субнациональными выборами в ряде регионов, изначально призванное повысить долю голосов и мест ЕР в региональных и местных легислатурах. В результате этого совмещения региональный и муниципальный чиновный люд стремился минимизировать усилия по обеспечению итогов думского голосования — их собственное благополучие куда больше зависело от локальных «раскладов», нежели от итогов общероссийской кампании, победители которой заранее были назначены Кремлем. Наконец, высказывалось предположение — не такое уж неправдоподобное, — что организаторы кампании ЕР в ряде регионов попросту расхищали все деньги, предназначавшиеся на подкуп избирателей⁴⁰.

Все эти тенденции в первый день «Ч» (4 декабря 2011 года) слились воедино, придав «обратной замене» характер «опрокидывающих выборов». Помимо многочисленных и разнообразных злоупотреблений в день голосования, часть которых оперативно фиксировалась и размещалась в Интернете наблюдателями и активизировавшимися избирателями, стоит отметить следующее: (1) повышенную явку на избирательные участки как раз тех «продвинутых» избирателей, на апатию которых рассчитывал режим и (2) громадный разрыв между официальными итогами голосования и ответами участников экзит-поллов, опубликованных в день голосования лояльным Кремлю ФОМом

(по Москве он достигал 20 проц. голосов)⁴¹. Хотя, согласно официальным данным Центризбиркома, ЕР получила 49,3 проц. голосов избирателей и 238 из 450 думских мандатов, на деле издержки формальной победы «партии власти» для режима намного превышали ее выгоды.

Напротив, оппозиция добилась максимально возможного успеха: (1) ЕР, при всех злоупотреблениях в ее пользу, не смогла заручиться поддержкой более половины избирателей; (2) режим глубоко дискредитировал себя в глазах «продвинутых» избирателей; (3) «негативный консенсус», стихийно сложившийся в ходе кампании, оказался упрочен по итогам выборов. Этот успех следовало развивать, и неудивительно, что сразу же после дня «Ч» в Москве и других городах страны прошли заметные акции постэлекторального протеста (хотя изначально и не слишком массовые, но намного превышавшие по числу участников протестные акции прежних лет). Демонстративный эффект «раскрутки» публичного неприятия статус-кво оказал влияние и на общественное мнение, стремительно меняя прежде скрываемые массовые предпочтения и вовлекая в протест все новые группы граждан⁴². Страх и обман, которые вкупе с экономическим ростом обеспечивали лояльность граждан авторитарному режиму⁴³, уже не могли служить столь же эффективным инструментом для поддержания статус-кво.

Власти, похоже, были не готовы к такому развитию событий. «Контрреволюционеры» из числа прокремлевских молодежных движений оказались не слишком полезны при защите статус-кво от перешедших на сторону оппозиции граждан, а вскоре и вовсе ушли в тень, а то и дезертировали с политической арены. Прибегнуть к массовому насилию в отношении протестующих на фоне упадка массовой политической поддержки режима казалось рискованным. Прежняя стратегия «виртуальной политики» (например, публи-

кация прослушанных телефонных переговоров оппозиционеров) себя исчерпала и имела эффект, обратный задуманному, еще более сплотив «негативный консенсус».

Власти же восприняли свой провал не как системный и неустранимый вызов, а как досадный «ляп», недоразумение, вызванное технологическими и управленческими ошибками. Непосредственно после 4 декабря 2011 года у Путина открывались новые шансы для кооптации части оппозиции в качестве «попутчиков» режима с последующей сменой политического курса. Теоретически Путин мог, например, предложить посты в новом кабинете министров представителям не только «системных» партий, но и «внесистемным» противникам режима, включить в состав своей новой команды те или иные знаковые фигуры (от Никиты Белых в качестве министра по делам регионов до Евгении Чириковой на посту министра экологии или Бориса Акунина на посту министра культуры). В конце концов, Путин мог даже убрать с политической сцены окончательно утратившего остатки репутации Медведева и призвать на пост премьер-министра отправленного в отставку Алексея Кудрина. Но такой подход мог быть воспринят частью правящей группы как проявление слабости лидера и повлечь за собой риски дальнейших размежеваний внутри элит. Поэтому в конечном итоге кадровые перестановки свелись лишь к перетасовке прежней управленческой команды⁴⁴. Резкие публичные выпады Путина в адрес противников режима лишь усугубляли неприятие статус-кво и негативное отношение теперь уже лично к «национальному лидеру». От лозунга «За честные выборы!» протест довольно быстро перерос в стадию «долой Путина!».

Пассивность властей, как будто окончательно отказавшихся от кнута, но упорно не желавших делиться с оппозицией пряниками, в немалой мере способствовала диффу-

зии протеста как «вширь», за пределы столицы, так и «вглубь»: численность участников акций оппозиции возрастала с каждым следующим митингом, а репертуар коллективных действий все более расширялся⁴⁵. Наконец, после протестных акций в конце декабря 2011 года Медведев внес в Думу законопроекты, направленные на либерализацию правил регистрации политических партий и заявил о предстоящем возвращении к всеобщим выборам глав исполнительной власти регионов. Эти шаги были вынужденной реакцией режима на давление оппозиции, которая

и оппозицией, призывая обе стороны конфликта к переговорам. Однако эти шаги, направленные на достижение «соглашения элит» о поэтапном мирном пересмотре «правил игры» в российской политике и последующем *de facto* постепенном демонтаже режима, не имели успеха, и отнюдь не только в силу характера несостоявшихся переговоров. В самом деле, успешные «соглашения элит» (или «пакты») в тех или иных странах (как, например, «круглый стол» 1989 года в Польше или «пакт Монклоа» 1977 года в Испании) обычно становились след-

“Власти восприняли свой провал не как системный и неустрашимый вызов, а как недоразумение, вызванное технологическими и управленческими ошибками”.

требовала отмены итогов думского голосования. Но подобная реакция власти уже не могла удовлетворить требования протестующих: запоздалые, половинчатые и/или растянутые во времени меры к тому же не были результатом диалога властей с общественностью, а выглядели как своего рода «подачка». Предложенные нормы, касающиеся разрешительного порядка регистрации партий и «президентского фильтра» — согласования с президентом кандидатов, выдвигаемых на выборах глав исполнительной власти регионов, — выдавали стремление блокировать участие в выборах нелояльных Кремлю фигур; реформа избирательной системы, по сути, сводилась лишь к косметическим правкам. Но главное — все эти шаги, в лучшем случае, могли бы что-то изменить — будь то конфигурацию политического устройства регионов или партийной системы на уровне страны в целом — не ранее следующих думских выборов.

Отдельные политики и общественные деятели (прежде всего Кудрин) предпринимали попытки «навести мосты» между режимом

ствием длительного острого и масштабного противостояния различных сегментов элит и общества. Они достигались тогда, когда издержки продолжения конфликтов становились для участников слишком велики, а прежний опыт их разрешения по принципу «игры с нулевой суммой» (как в 1981 году в Польше или в 1939 году в Испании) рассматривался обеими сторонами конфликта как явно неприемлемый⁴⁶. В России декабря 2011 — января 2012 года режим рассчитывал добиться легитимного возвращения Путина на пост президента по итогам голосования в марте 2012 года посредством минимального латания трещин в стене прежнего статус-кво. Между тем оппозиция еще не успела создать устойчивую массовую базу, не говоря уже об организационной консолидации (для сравнения: в 1981 году польская «Солидарность» насчитывала свыше 9 млн участников). Поэтому, не без оснований опасаясь обмана со стороны правящей группы, она настаивала на максимально скором и публичном пересмотре не только итогов думского голосования, но и «правил игры» в политике в

целом. В таких условиях стимулы к поиску кооперативных решений для каждой из сторон конфликта оказались явно недостаточными, и в итоге переговоры попросту не состоялись. Возможно, для них еще не пришло время, но нельзя исключить, что этот механизм вообще не будет востребован. Так или иначе, режим и оппозиция двинулись к новому времени «Ч» — 4 марта 2012 года — параллельными курсами.

Время «Ч», раунд 2: до и после 4 марта 2012 года

Провал российского электорального авторитаризма 4 декабря 2011 года привел к исчерпанию стратегии «виртуальной политики» как основного средства поддержания режима. Символичной в этой связи стала отставка архитектора этой стратегии Владислава Суркова с поста главного идеолога и политтехнолога режима и замена его куда менее склонным к изощренным манипуляциям Вячеславом Володиным. Проблема для режима состояла в том, что выбор альтернативных стратегий поддержания политической монополии оказался довольно сильно ограничен. Силовое подавление протестов было исключено: масштабы протестной мобилизации переросли технические возможности разгона митингов, а массовое применение силы могло оказаться самоубийственным для теряющего популярность режима⁴⁷. Опережающая и более полноценная политическая либерализация грозила потерей власти в не слишком отдаленном будущем, в то время как воспоминания о крахе коммунистического режима под воздействием демократизации были слишком сильны. Поэтому Путин оказался явно не готов открыть «ящик Пандоры» и перейти к открытой политической конкуренции. По-видимому, по сходным причинам для Путина оказалось неприемлемым и честное проведение президентских выборов с двумя

турами голосования. Дело не только в тяжелых воспоминаниях о поражении патрона Путина Анатолия Собчака во втором туре выборов губернатора Санкт-Петербурга в июне 1996 года — необходимость второго тура демонстрировала бы очевидную слабость «национального лидера» и создавала риски усиления «негативного консенсуса» и, как следствие, повышала вероятность проигрыша конкуренту.

«По умолчанию» доминирующей (то есть не зависящей от шагов противника) стратегией режима стало обеспечение любой ценой 50 проц. голосов за Путина в первом туре. Выбор средств для достижения этой цели также не отличался избыточной креативностью. По большей части были использованы прежние приемы, которые не принесли режиму успеха в декабре. Но на сей раз масштаб и интенсивность их применения резко возросли, а прежняя расслабленность Кремля и его обслуги вскоре уступила место агрессивному напору. Следствием этого стала массивная информационная кампания в поддержку статус-кво и против оппозиции, запугивание избирателей «оранжевой угрозой», исходящей от агентов «тлетворного влияния Запада», а также гораздо более целенаправленное и систематическое применение административного ресурса⁴⁸. Частным проявлением последнего стала масштабная замена нижних звеньев «вертикали власти», неспособных обеспечить требуемый исход голосования (от губернаторов до председателей и членов участковых избирательных комиссий)⁴⁹. В ответ на уличные акции оппозиции к ним добавили также массовые мероприятия в поддержку Путина, проведенные в разных городах страны по принципу «лобового противостояния», превзошедшие по численности все акции оппозиции и отличавшиеся невиданной агрессией режима по отношению к противникам. Продолжая параллели с футболом, эту стратегию можно было сравнить с агрессивной и

грубой игрой на удержание победного счета в ожидании истечения времени матча.

В свою очередь, оппозиции удалось поддерживать «негативный консенсус» с помощью прежней стратегии мобилизации под лозунгом «ни одного голоса Путину!» и призывов к избирателям голосовать за кого угодно, кроме «национального лидера». Однако основные вызовы для противников статус-кво кроются в отсутствии у оппозиционеров единой позитивной альтернативы. По понятным причинам, трудно было ожидать, что либералы, левые и националисты,

разных электоральных авторитарных режимов (от *PRR* в Мексике⁵¹ до Милошевича в Сербии⁵²) говорит о том, что «негативный консенсус» оппозиционеров выступает необходимым, хотя очевидно и недостаточным условием демократизации.

Однако в преддверии голосования 4 марта 2012 года все острее давали о себе знать как организационная, так и стратегическая слабость оппозиции. Прежде всего, противники режима опирались не на политические или неполитические оппозиционные организации (сколько-нибудь влиятельных организа-

“Трудно было ожидать, что либералы, левые и националисты, которые плохо переносят друг друга, сумеют выработать сколько-нибудь сходные программы”.

которые плохо переносят друг друга и имеют весьма различные политические и экономические воззрения, сумеют выработать сколько-нибудь сходные программы. Наглядным проявлением пределов и ограничений «негативного консенсуса» стало заявление Навального о том, что вся его экономическая программа сводится к борьбе с коррупцией⁵⁰. Но жесткий отказ властей от диалога с оппозицией и использование тактики «лобового противостояния» сделал почти невозможное: хотя с программной точки зрения для каждого отдельного сегмента оппозиции гипотетический приход к власти идейных противников является неприемлемым и тем самым сохранение статус-кво как будто должно быть меньшим злом, к февралю 2012 года среди оппозиции в целом и ее сторонников возобладала точка зрения, что нынешний режим представляет собой зло безусловно большее. «Стилистические разногласия» с режимом, похоже, оказались сильнее, чем программные, не только для оппозиции, но и для ее социальной базы — «продвинутой» части электората. Опыт падения самых

ций такого рода в России попросту не было), а на «слабые связи»⁵³ сетевой мобилизации через Интернет. Такие связи оказались легко активизировать на эмоциональном подъеме, подобном тому, что наблюдался после 4 декабря, но полагаться только на них как на основной инструмент мобилизации было явно недостаточно. Слабость оппозиции проявилась и в том, что по-настоящему крупномасштабные протестные акции так и не вышли за пределы Москвы и отчасти Санкт-Петербурга. Кроме того, партии «системной оппозиции» сохранили прежнюю лояльность режиму и, по большей части, не рисковали перейти на сторону протестующих⁵⁴. Вдобавок, хотя корпус новых наблюдателей за ходом голосования 4 марта, рекрутированных оппозицией из числа своих сторонников, составлял несколько тысяч человек, этого не хватало для избирательных участков даже в крупных городах страны. Стратегия оппозиционеров ограничивалась лишь подготовкой очередных протестных акций; они оказались не способны заглядывать хотя бы на шаг вперед, в то время как их противники

уже перешли в контратаку. Наконец, отсутствие на президентских выборах кандидатов, приемлемых для большинства сторонников оппозиции, во многом снижало привлекательность лозунга «голосуй за кого угодно, кроме Путина!» и вносило разлад в ряды оппозиционеров. Креативность оппозиционных лозунгов, еще вчера привлекавшая новых союзников, перед днем «Ч» уже не могла подменить собой организационный потенциал и стратегическое планирование.

Возможно, если бы между парламентскими и президентскими выборами было не три

чаться тому, что протестное голосование за Михаила Прохорова составило свыше 20 проц. избирателей в Москве и свыше 15 проц. в Санкт-Петербурге (при почти 8 проц. по стране в целом): в конце концов, ни один из включенных в бюллетень кандидатов не мог создать для режима риски потери власти. «Системная» оппозиция и большинство ее сторонников по доброй воле или вынужденно смирились с возвращением Путина.

Для «несистемной» оппозиции 4 марта 2012 года стало днем унижения и деморализации, с одной стороны, и прощания с

“Провал электорального авторитаризма (пусть даже и частичный) определяет сегодняшнюю и завтрашнюю повестку дня российской политики”.

месяца, а значительно больший промежуток времени, оппозиция могла успеть хотя бы частично преодолеть эти слабости. Но стремительность развития событий оказалась на руку режиму, который сумел не просто испугаться протестов, но перехватить инициативу и ответить оппозиции с помощью всех доступных ему ресурсов и средств. В конце концов, 4 марта 2012 года властям удалось: (1) с помощью комбинации угроз и посулов мобилизовать сторонников статус-кво не только из числа периферийного электората; (2) в полном объеме задействовать локальные «политические машины», 4 декабря кое-где крутившиеся на «холостом ходу», и (3) максимально эффективно и успешно использовать весь арсенал злоупотреблений в ходе голосования и при подсчете голосов⁵⁵. Хотя оппозиции, главным образом усилиями наблюдателей, удалось добиться относительно низкого показателя голосования за Путина по Москве (официально 47 проц. голосов против 63,6 проц. по стране в целом)⁵⁶, силы были все же слишком неравны. Режим смог добиться желаемого исхода и даже не слишком огор-

иллюзиями скорого успеха — с другой. Часть оппозиционеров потратила немало сил на попытки убедить общественность и самих себя в том, что Путин при честном подведении итогов голосования набрал бы менее 50 проц. голосов избирателей⁵⁷ (хотя, говоря спортивным языком, куда важнее то, употреблял ли спортсмен допинг, а не то, какие результаты он показал бы без применения допинга). Другая часть оппозиционеров совершила отчаянную попытку мобилизовать своих сторонников на запрещенные акции, которые были жестко пресечены в Москве и Санкт-Петербурге. Неудивительно, что после 4 марта 2012 года численность участников постэлекторального протеста пошла на спад, а действия самой оппозиции подверглись критике со стороны ряда ее сторонников и активистов⁵⁸. В известной мере российская оппозиция оказалась в ситуации, типологически сходной с белорусской после победы Александра Лукашенко на президентских выборах в декабре 2010 года и последующего силового подавления постэлекторального протеста⁵⁹. В случае Беларуси пора-

жение и без того слабой и раздробленной оппозиции привело к ее дальнейшему упадку и маргинализации⁶⁰; с рисками такого рода в обозримом будущем могут столкнуться и российские оппозиционеры.

В свою очередь, режим по итогам голосования 4 марта не без оснований мог праздновать победу, особенно значимую после относительного поражения 4 декабря. Избранная им стратегия принесла свои плоды, но возвращение Путина на пост главы государства дало как минимум два тревожных для режима побочных эффекта. Во-первых, сделав ставку прежде всего на периферийный электорат, режим утратил (возможно, что и навсегда) шанс вернуть поддержку статус-кво со стороны «продвинутых» избирателей. Во-вторых, победа, достигнутая такими средствами, ставила под сомнение легитимность режима. Проще говоря, представление, что возвращение Путина на пост президента было нечестным, в глазах части избирателей имело большее значение, чем фактический масштаб злоупотреблений при голосовании⁶¹. Таким образом, победа режима по итогам электорального цикла вполне может оказаться пирровой: независимо как от реальных, так и от официальных итогов голосования 4 марта, трещины в стене статус-кво становятся замазать все сложнее, и с течением времени (возможно, весьма даже скорого) риски потери власти для режима могут резко возрасти.

Продолжение следует?

Можно утверждать, что провал электорального авторитаризма (пусть даже и частичный) определяет сегодняшнюю и завтрашнюю повестку дня российской политики. Этот провал в ходе думского голосования 2011 года вовсе не был неизбежен и заранее предопределен; напротив, он стал следствием стратегических ошибок правящей группы. Неоправданно переоценив на основе прежнего опыта эффективность «виртуальной

политики» и увлекшись украшением фасадов, режим явно недооценил риски «обратной замены» руководителей государства, которые повлекли за собой активизацию «продвинутых» избирателей. Известный тезис американского политолога Валдимера Орландо Ки-младшего «избиратели – не дураки!»⁶², широко цитируемый при анализе выборов в демократиях, имеет немалый смысл и при изучении выборов в условиях электорального авторитаризма. Тезис В.О. Ки восходит к знаменитому высказыванию Линкольна о том, что можно долго обманывать немногих или недолго обманывать многих, но нельзя всегда обманывать всех. Российские избиратели могли бы еще некоторое время сохранять безразличное отношение к манипуляциям и злоупотреблениям со стороны режима, если бы не действия оппозиции, которая смогла вовремя умело воспользоваться ошибками правящей группы и применить эффективные средства активизации и мобилизации своих сторонников. Тем не менее ресурсный потенциал режима оказался достаточно велик, так что власть не успела растерять большинство сторонников и в конечном итоге, хотя и не без труда, в марте 2012 года смогла удержать свое господство. Но означает ли итог электорального цикла возвращение к статус-кво, имевшему место до выборов? Ответ на этот вопрос зависит, в частности, и от того, какие выводы из опыта 2011–2012 годов сделают и режим и оппозиция.

Для российского режима (как и для других авторитарных режимов в мире) главным уроком на будущее, скорее всего, может стать вывод о том, что либерализация⁶³, пусть даже «виртуальная» и дискурсивная, представляет опасность для сохранения статус-кво, а значит, для удержания власти следует «закручивать гайки». Этот курс уже был анонсирован Путиным сразу после 4 марта⁶⁴, и нет оснований сомневаться в серьезности его намерений. Задачам закрепления статус-

кво служит и предстоящая подготовка нового закона о Конституционном собрании, результатом чего вскоре может стать принятие новой конституции России, избавленной от рудиментов эпохи «лихих девяностых» типа деклараций прав и свобод граждан, норм о приоритете международных обязательств России над внутренним законодательством и ряда прочих либеральных положений⁶⁵. Вместе с тем трудно сказать, сможет ли режим и далее успешно использовать такие институты, как политические партии и парламент, в целях кооптации «системной» оппозиции⁶⁶ и удастся ли ему успешно изолировать оппозицию «внесистемную».

Что же до оппозиции, то стоящие перед ней вызовы несоизмеримо серьезнее. Удерживать «негативный консенсус» в течение длительного времени, а тем более — воплотить его в организационную консолидацию по образцу дихотомии «гражданское общество против враждебного государства», определявшего систему координат, скажем, в случае польской «Солидарности»⁶⁷, российским оппозиционерам будет крайне тяжело — особенно с учетом того, что режим не преминет прибегнуть к тактике *divide et impera* в отношении своих противников. Распространение новых идей, продвижение новых лидеров и становление новых организаций займет некоторое время, в то время как потенциал поддержки со стороны части «продвинутых» избирателей может оказаться ослаблен. И тем не менее опыт протестной мобилизации 2011–2012 годов в любом случае не пройдет зря и для самой оппозиции, и для десятков, если не сотен тысяч их участников и куда большего числа сторонников. Семена, посеянные зимой

2011/12 года на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве и на площадях других городов страны, обязательно дадут свои всходы, хотя, возможно, и не в ближайшем будущем. На руку оппозиции играет и тот факт, что настроения «продвинутых» избирателей по прошествии времени передаются и части периферийного электората, расширяя, таким образом, потенциальную базу ее сторонников. Иначе говоря, спрос граждан на альтернативы статус-кво, скорее всего, будет возрастать, и вопрос заключается в том, сумеет ли нынешняя российская оппозиция или, возможно, иные политические игроки удовлетворить его в ближайшие годы.

Скорее всего, можно ожидать, что электоральный авторитаризм в России, потерпевший тяжелое поражение 4 декабря 2011 года и устоявший 4 марта 2012 года, ждут новые изменения. Он может смениться как непоследовательной «ползучей» демократизацией под давлением оппозиции⁶⁸, так и эволюцией в сторону «классического» авторитаризма по инициативе режима, а возможно, и сохранит свою прежнюю суть в новом обличье. Столь же сложно представить себе возможные механизмы и темпы этих изменений: слишком многое здесь зависит не только от действий режима и от шагов оппозиции на различных политических аренах, но и от ряда других факторов. Но, по всей вероятности, статус-кво будет становиться все более хрупким, режим станет давать все новые трещины, а риск быть погребенными под его обломками — возрастать. В условиях сужения временного горизонта как для режима, так и для оппозиции дальнейшее развитие событий в стране делается все менее предсказуемым. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См., например: Russia in 2020: Scenarios for the Future / M. Lipman, N. Petrov (eds.). Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. Среди 27 авторов различных глав этой книги, вышедшей из печати накануне 4 декабря 2011 года, лишь один (Алексей Сидоренко) предполагал, что исходом электорального цикла 2011–2012 годов в России может стать «революция блоггеров».

² См., например: *Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010; *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition* / A. Schedler (ed.). Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006; *Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России* // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 1. С. 22–35.

³ *Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine* // World Politics. 2005. Vol. 57. No 2. P. 231–261; *Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia* // World Politics. 2005. Vol. 58. No 1. P. 133–165.

⁴ *Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule* // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54. No 3. P. 751–765.

⁵ *Democratization by Elections: A New Mode of Transition* / S. Lindberg (ed.). Baltimore, MD: Johns Hopkins Univ. Press, 2009.

⁶ *Tucker J. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions* // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5. No 3. P. 535–551.

⁷ *Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* Norman, OK: Univ. of Oklahoma Press, 1991. P. 174–180.

⁸ *Fish M. S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution.* Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1995; *Urban M. et al. The Rebirth of Politics in Russia.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

⁹ *Przeworski A. et al. Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World: 1950–1990.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

¹⁰ См., например: *Гайдар М., Снеговая М. Дремлет притихший северный город* // Ведомости. 2012. 3 февр. (http://www.vedomosti.ru/newline/news/1493008/dremlet_pritihshij_severnij_gorod; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года).

¹¹ *Kalathil S., Boas T. Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule.* Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

¹² *Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin* // American Journal of Political Science. 2011. Vol. 55. No 3. P. 590–609; *Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.

¹³ *Tucker J. Op. cit.*; *Bunce V., Wolchik S. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes* // World Politics. 2010. Vol. 62. No 1. P. 43–86.

¹⁴ *Levitsky S., Way L. Op. cit.*

¹⁵ *Way L. The Real Causes of the Color Revolutions* // Journal of Democracy. 2008. Vol. 19. No 3. P. 55–69; *Bunce V., Wolchik S. Getting Real about “Real Causes”* // Journal of Democracy. 2009. Vol. 20. No 1. P. 69–73.

¹⁶ *Hale H. Op. cit.*

¹⁷ *Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World.* New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2005.

¹⁸ Косвенным свидетельством низкой репрессивности российского режима мог служить список политических заключенных, составленный оппозицией в феврале 2012 года, в него вошли всего 39 имен — невероятно низкий показатель по меркам авторитаризма.

¹⁹ *Gel'man V. Political Opposition in Russia: A Dying Species?* // Post-Soviet Affairs. 2005. Vol. 21. No 3. P. 226–246.

²⁰ *Rose R., Mishler W. How Do Electors Respond to an “Unfair” Election? The Experience of Russians* // Post-Soviet Affairs. 2009. Vol. 25. No 2. P. 118–136; *Wilson K. How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis* // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No 1. P. 145–168.

²¹ *Gel'man V. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy* // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. No 6. P. 913–930.

²² См.: *Трещины Д. Назначаемые губернаторы не устраивают россиян* // Свободная пресса. 2011. 4 июля (<http://svpressa.ru/society/article/45140/>; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года).

²³ *Gel'man V., Ryzhenkov S. Local Regimes, Sub-National Governance, and the “Power Vertical” in Contemporary Russia* // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No 3. P. 449–465.

²⁴ *Kynev A. Party Politics in the Russian Regions: Competition of Interest Groups under the Guise of Parties // The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia / V. Gel'man, C. Ross (eds). Farham, Ashgate, 2010. P.135–150.*

²⁵ *Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 4-5. С. 6–22.*

²⁶ *Афанасьев М. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Либеральная миссия, 2009.*

²⁷ См.: *Липман М. Новая словесная вольность // Ежедневный журнал. 2010. 12 февр. (<http://ej.ru/?a=note&id=9875>; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года).*

²⁸ *Ворожейкина Т. Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 6–23.*

²⁹ Нечто подобное отмечалось и в период перестройки, когда не преследовавшиеся властями экологические и историко-культурные движения на первом этапе либерализации режима служили «крышей» для политических движений, активно развернувших мобилизацию в ходе выборных кампаний 1989–1990 годов.

³⁰ Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что у российских властей не было опыта применения открытого массового насилия во внутренней политике (за пределами Чечни), в отличие, скажем, от лидеров Центральной Азии, которые успешно применяли насилие при подавлении протестных выступлений в Андижане (Узбекистан, 2005 год) или Жанаозене (Казахстан, 2011 год).

³¹ Многочисленные свидетельства такого рода содержались в служебной переписке руководителей Росмолодежи, которая после взлома их электронной почты хакерами получила огласку в начале 2012 года — по сути, это ведомство служило инструментом «виртуальной политики» режима.

³² См.: *Белановский С., Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. М.: Центр стратегических разработок, 2011.*

³³ О пространственном размежевании российских избирателей в свете кампании 2011 года и постэлекторального протеста см.: *Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости. 2011. 30 дек. (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года).*

³⁴ *Wilson A. Op. cit.*

³⁵ Демарш Алексея Кудрина, отправленного в отставку с поста министра финансов из-за своего несогласия с «обратной заменой», стал исключением, лишь подтверждавшим правило.

³⁶ Навальный или Федоров. За кем правда? 21 февр. 2011 года (<http://www.youtube.com/watch?v=ccE-zCR1ej4>; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года).

³⁷ См.: Трое депутатов Думы просят прокуратуру закрыть «Голос», отслеживающий нарушения на выборах // Газета.ру. 2011. 29 нояб. (http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/11/29/n_2115510.shtml; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года).

³⁸ См.: *Костенко Н. Кремль ставит регионам планку по парламентским выборам // Ведомости. 2011. 13 окт. (http://www.vedomosti.ru/politics/news/1391418/skolko_nuzhno_edinoj_rossii; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).*

³⁹ См., в частности: ЕР наберет на выборах 55–58 проц. // РИА Новости. 2011. 24 нояб. (<http://ria.ru/politics/20111124/496776854.html>; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁴⁰ Откровенное описание приведено в письме одного из региональных организаторов кампании ЕР: Нам пишут из Янины (<http://durnowo.livejournal.com/228629.html>; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года). Если дело обстоит именно так, то «партия жуликов и воров» сама оказалась жертвой жульничества и воровства в собственных рядах.

⁴¹ Хотя данные экзит-поллов были оперативно удалены с сайта www.fom.ru, эта информация (как и сведения об удалении данных с сайта ФОМ) была предана широкой огласке в Интернете, лишь усугубив обвинения властей в фальсификации итогов голосования.

⁴² Об этих эффектах в ходе падения авторитарных режимов см.: *Kuran T. Now Out of Never: The Element of Surprise in East European Revolution of 1989 // World Politics. 1991. Vol. 44. No 1. P. 7–48.*

⁴³ См.: *Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Latin America and Eastern Europe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 58–59.*

⁴⁴ Назначение на пост вице-премьера по вопросам ВПК бывшего лидера националистической партии «Родина» Дмитрия Рогозина стало исключением, подтверждающим правило.

⁴⁵ Анализ роли массовых движений в политической мобилизации см.: *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978; *Tarrow S.* Power in Movement: Collective Action, Social Movements, and Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.

⁴⁶ *Przeworski A.* Op. cit. P. 83–88.

⁴⁷ Сравнительный анализ эффектов влияния репрессий против массовых протестов на выживание авторитарных режимов см.: *Kricheli R., Livne Y., Magaloni B.* Taking to the Streets: Theory and Evidence of Protests under Authoritarianism (manuscript, Stanford University, 2011) (http://iis-db.stanford.edu/pubs/23341/TakingToTheStreets_7-11-11.pdf ; последнее посещение сайта 29 февраля 2012 года).

⁴⁸ По сути дела, сходные цели преследовал и отказ Григорию Явлинскому в регистрации его кандидатуры на пост президента.

⁴⁹ Так, после 4 декабря были сняты со своих постов губернаторы Архангельской, Волгоградской и Вологодской областей, где «Единая Россия» набрала 31,8, 36,4 и 36,7 проц. голосов, соответственно. 4 марта 2012 года Путин получил в этих регионах 57,9, 59,5 и 63,4 проц. голосов, соответственно.

⁵⁰ См.: *Навальный А.* Борьба с коррупцией и есть моя экономическая программа // Ведомости. 2012. 1 марта (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1519747/ne_vrat_i_ne_vogovat ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁵¹ *Greene K.* Why Dominant Parties Lose. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

⁵² *Tucker J.* Op. cit.

⁵³ О «силе слабых связей» см.: *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology.* 1973. Vol. 78. No 6. P. 1360–1380; о роли социальных сетей в постэлекторальном протесте в России см.: *Lonkila M.* Russian Protest On- and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // *Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers.* 2012. No 98 (http://www.fiia.fi/en/publication/244/russian_protest_on_and_offline/ ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁵⁴ Хотя отдельные представители «системных» партий и участвовали в протестных митингах, для выживания самих этих организаций сохранение статус-кво было бы явно меньшим злом, нежели возможное падение авторитарного режима.

⁵⁵ Анализ «по горячим следам» см.: *Милов В.* Как Путин оппозицию перехитрил // Газета.ру. 2012. 5 марта (<http://www.gazeta.ru/column/milov/4026641.shtml> ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁵⁶ См.: *Захаров А.* В Москве «карусели» не повлияли на результат Путина // *slon.ru.* 2012. 6 марта (http://slon.ru/russia/karuseli_ne_povliyali_na_rezultat_putina-762008.xhtml ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁵⁷ См.: Меморандум Лиги избирателей (<http://www.ligaizbirateley.ru/hot/16.html> ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁵⁸ См., в частности: *Архангельский А.* Про митинг (<http://arkhangelsky.livejournal.com/231073.html> ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года); *Шулика К.* Тяжкое послевыборное // Эхо Москвы. 2012. 6 марта (http://www.echo.msk.ru/blog/viking_nord/865835-echo/ ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года), и ряд других материалов.

⁵⁹ См., например: *Травин Д.* Белая лента + Русь = Беларусь // Фонтанка.ру. 2012. 6 марта (<http://www.fontanka.ru/2012/03/06/073/> ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁶⁰ См.: *Иоффе Г.* Авторитаризм без олигархии // *Pro et Contra.* 2011. Т. 15. № 3-4. С. 29–49.

⁶¹ О роли этих факторов в упадке электорально-авторитаризма см.: *Magaloni B.* Op. cit.

⁶² См.: *Key V. O.* The Responsible Electorate. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1966. P. 5.

⁶³ О рисках либерализации для выживания авторитарных режимов см.: *Przeworski A.* Op. cit. P. 54–66.

⁶⁴ См., в частности: Путин: «закручивание гаек» обязательно будет // Газета.ру. 2012. 7 марта (http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/03/07/n_2232833.shtml ; последнее посещение сайта 9 марта 2012 года).

⁶⁵ См.: *Гельман В.* Россия в институциональной ловушке // *Pro et Contra.* 2010. Т. 14. № 4-5. С. 34–35.

⁶⁶ О роли этих институтов в поддержании авторитарных режимов см.: *Gandhi J.* Political Institutions under Dictatorship. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

⁶⁷ См.: *Хархордин О.* Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 80, 88–89.

⁶⁸ О возможностях, ограничениях и рисках «ползучей» демократизации см.: *Przeworski A.* Op. cit. P. 69–72.